

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.9>

Никифорова Вера Витальевна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ. - НАЧАЛА XXI В.: РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ

Чувашская литература конца XX в. представляет собой недостаточно изученное явление. В статье поставлена цель проанализировать общее состояние чувашской поэзии с середины 1980-х гг. до начала XXI в. Автор впервые выделяет и характеризует три линии национальной поэзии: традиционно-лирическая, интеллектуальная и песенная поэзия. Отдельное внимание уделяется творчеству ярких молодых поэтов, пришедших в литературу в середине 1980-х гг. Проведённый обзор позволяет сделать вывод о том, что в данный период происходит смена литературной парадигмы: обновляется облик чувашской литературы в целом и поэзии в частности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 1. С. 43-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Вайль П. Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 701 с.
2. Вислова А. В. Русский театр на сломе эпох: рубеж XX-XXI веков. М.: Университетская книга, 2009. 272 с.
3. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 368 с.
4. Журчева О. В. Стилиевые и жанровые стратегии в новейшей драматургии // Драма и театр: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. Вып. VI. С. 221-229.
5. Лимонов Э. Русская литература и российская история [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/429> (дата обращения: 22.05.2018).
6. Лучшие современные одноактные пьесы: сб. произведений. М.: Ниаландо, 2016. Вып. 1. 248 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: сборник / пер. с исп. М.: Радуга, 1991. 639 с.
8. Петрушевская Л. Квартира коломбины: пьесы. СПб.: Амфора, 2006. 415 с.
9. Погодина О. Глиняная яма [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/7/по4.html> (дата обращения: 22.05.2018).
10. Розанов В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 734 с.
11. Токарева В. «Остались две профессии – богатые и бедные» [Электронный ресурс] // Огонек. 2007. № 35 (5011). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2299469> (дата обращения: 22.05.2018).
12. Угаров М. «Даже у сверхбанкиров не бывает безупречной жизни, у каждого свой ад» [Электронный ресурс] // БИЗНЕС ONLINE: деловая электронная газета Татарстана. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/125806> (дата обращения: 25.09.2018).
13. Черняк М. А. Массовая литература XX века: учеб. пособие. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2009. 432 с.

BEING OF “AVERAGE MAN” IN THE PROBLEM FIELD OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN DRAMATURGY

Meshchanskii Aleksandr Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
a.meshchanskiy@narfu.ru

The article deals with the conception of “average man” in the contemporary Russian dramaturgy. By the example of various textual materials, the relevance of the chosen topic is shown within the rapidly changing paradigm of the civilization development of Russia at the turn of the XX-XXI centuries. The studied dramatic works highlight shifts in the system of value orientations, which supported the life prospects of the Soviet society for many decades. The analysed subject accentuates the topical problem of the formation of a new type of behaviour, new gender relations and a new axiological vector in modern socio-cultural space. The author ascertains that the problem of “average man” in contemporary dramaturgy reflects the personal and creative self-realization of the representatives of the newest dramaturgy.

Key words and phrases: contemporary new drama; problem of “average man”; Russian society; domestic conflict; axiological crisis.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 10.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.9>

Чувашская литература конца XX в. представляет собой недостаточно изученное явление. В статье поставлена цель проанализировать общее состояние чувашской поэзии с середины 1980-х гг. до начала XXI в. Автор впервые выделяет и характеризует три линии национальной поэзии: традиционно-лирическая, интеллектуальная и песенная поэзия. Отдельное внимание уделяется творчеству ярких молодых поэтов, пришедших в литературу в середине 1980-х гг. Проведённый обзор позволяет сделать вывод о том, что в данный период происходит смена литературной парадигмы: обновляется облик чувашской литературы в целом и поэзии в частности.

Ключевые слова и фразы: чувашская литература; традиционно-лирическая поэзия; интеллектуальная поэзия; песенная поэзия; визуальная поэзия; метро-ритмика; традиция.

Никифорова Вера Витальевна, к. филол. н.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары
vera.nikiforova@yandex.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ. – НАЧАЛА XXI В.:
РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ**

В середине 1980-х гг. в стране начались крупные преобразования, которые впоследствии определили как «перестройку». Они затронули все сферы, в том числе и литературу. На непродолжительное время на первый план выходит литература с *публицистическим* началом. Публикуются произведения, откликающиеся на актуальные вопросы современности (Н. Тевекель, П. Афанасьев, Ю. Семендер, Ю. Вирьял, В. Эндип, Н. Исмуков,

А. Юман, В. Тимаков и др.). В целом в чувашской поэзии перестроечной и постперестроечной эпохи условно можно выделить три составляющие: *традиционно-лирическая* поэзия, *интеллектуальная* поэзия, *песенная* поэзия. Отдельно следует говорить о представителях молодого поколения, пришедших в литературу в середине 1980-х – начале 1990-х гг. Они всерьез пытались изменить реальность, искали новые пути дальнейшего развития нации [3, с. 5]. В их произведениях уже нет даже намёка на прошлые соцреалистические установки. Впрочем, постепенно соцреализм был изжит из пространства всей чувашской литературы.

В поэзии молодого поколения данного периода ярко проявили себя В. Тургай, М. Карягина, Б. Чиндыков (в большей степени как автор текстов песен) и др. Каждый из них по-разному, но внес весомый вклад в дело разрушения стереотипов и канонов, обновления содержания и формы современной поэзии, сумел отразить саму современность.

Стихия Валерия Тургая – *буря* («Тăвăл» («Буря», 1987)). Он отразил веру, надежду и сомнения, поочередно охватывавшие общество в тот период. В его творчестве проявляются традиционная рифма, чеканный ритм и свободный стих. Постигание тайны родного слова, его истоков и корней, становится сознательной и основной целью поэта Станислава Садура. Об этом свидетельствуют книги «Сăмах» («Слово», 2001) и «Сăмах майăн» («Вскользь», 2002). В них главенствует нетрадиционная метро-ритмика, представлены примеры визуальной поэзии.

Ранее творчество Марины Карягиной в целом традиционное. Хотя уже в самом начале в её поэзии проявляются явная звуковая экспрессия, примеры визуальной поэзии. У М. Карягиной сконцентрированное, насыщенное поэтическое слово. Она свободна в разных жанрах: будь то четверостишие или поэма. Со временем значение звукописи в творчестве ещё усиливается. Поиски М. Карягиной в области формального (звукового) выражения семантики являются авангардными для чувашской поэзии. В её творчестве, впервые в чувашской поэзии, появляется жанр палиндрома – стихотворения и поэмы.

Традиционно-лирическая поэзия проявлена в творчестве поэтов Г. Юмарта, М. Сениэля, П. Эйзина, Ю. Айдаша, П. Яккусена, Л. Мартъяновой, В. Пегия, А. Эндебе, А. Ыхры, Г. Ирхи, Ф. Муратова, Н. Сельверстовой и др. Они продолжают и обновляют традиции чувашской классики. Их произведения тематически тяготеют к традиционным жизненным ценностям: дом, родная деревня, сфера личной жизни, великая история народа (ориентация на национальную самобытность). Для такой поэзии характерны стремление к глубине и ясности, гармонии с самим собой и окружающим миром, особая значимость природы в целом и её составляющих в частности (цветка, дерева, камня и т.д.). Даже если некоторые авторы предпочитают нетрадиционную метро-ритмику (к примеру, П. Эйзин), в их текстах присутствует особо организованный ритм, без чего немислима любая гармония.

Один из ярких представителей, Пётр Яккусен, в этот период печатается много. Он издает четыре книги, часто публикуется в периодике. При этом тексты автора с уверенностью можно отнести к высокохудожественным образцам национальной поэзии. «Голос народной совести» [9, с. 3] не остается в стороне от проблем современности. Он чутко отразил изменения в мышлении и характере современников в переходную эпоху: «Раçсейре кашни үсёмён хай тёрёслевё...» («Для каждого поколения своё испытанье...», 1992), цикл «Ёмёр таканчĕ те – чикеленчĕ» («Век споткнулся о сердце», 1996) и др.

Лирика Любви Мартъяновой негромкая, искренняя, где-то близкая народной песне. Циклы «Шуçăмпа сĕнĕ кун пуçланать...» («С рассвета начинается новый день...», 1989), «Çавраçил варринче манăн кун...» («Мой день посреди вихря...», 1993) и др., книга стихов «Йышăнман сăмахсем» («Отвергнутые слова», 1991) и др. представляют собой классические образцы интимной и философской лирики.

Мироощущение лирического героя произведений Федора Муратова основывается на трех важнейших составляющих: мечте, надежде и любви («Виç тёрек» («Три опоры», 1988)). Светлые, чистые строки поэта «написаны сердцем». Несмотря на свою болезнь (ещё в старших классах он был прикован к постели тяжелой болезнью), Ф. Муратов чувствует большую ответственность за происходящее вокруг него («Раштав» («Декабрь», 1986)). Творчество и личность поэта являются живым примером преодоления самого себя, негибкости духа, способности ценить жизнь несмотря ни на что.

Поэзия Вениамина Пегия затрагивает глубинные, онтологические основы человеческого, национально-го существования. Даже когда лирический герой находится явно «здесь» и «сейчас», он живёт в некоем Большом Времени и особом пространстве. В художественном мире Пегия равноценны и человек, и другие живые существа (птицы, звери, растения), и невидимый глазу атом. Он изредка возвращается к забытым жанрам – элегии, балладе (книга «Янкас йăмрисем» («Янгасинские вѣтлы», 1990)).

Примеров городской поэзии в чувашской литературе данного периода очень мало. Более всего – стихотворений-посвящений хвалебного содержания (А. Юман, А. Чебанов, А. Кибеч и др.). Такие тексты привлекают композиторов. Величальные песни создаются не только в честь Чебоксар, Чувашии, но и других населенных пунктов и отдельных организаций. В последнем случае речь часто ведется о поэтах-любителях. Везде объект восхваляется и прославляется. Хрестоматийным стал гимн родному народу Г. Айги «Мухтав юрри» («Хвалебная песня», 1991).

Период середины 1980-х – начала 2000-х гг. характеризуется также развитием *интеллектуальной* поэзии. В предыдущий период в таком виде поэзии ощущалось сильное влияние динамики жизни, результатов научно-технической революции [10, с. 35]. С середины 1980-х гг. происходит дальнейшее углубление в семантику слова, но переставляются акценты: усиливается ассоциативность, поэты всё чаще обращаются к поискам основ национальной философии.

Оригинальная поэзия Геннадия Айги вошла в контекст мировой литературы. Существуют Айги «чувашский» и «русский». До начала нового века поэтом изданы книги «Халал» («Благопожелание», 1988), «Сурхи йёпху» («Весенняя изморось», 1990), «Савăсемпе поэмăсем» («Стихотворения и поэмы», 1994), «Здесь» (М., 1991), «Теперь всегда снега» (М., 1992), «Тетрадь Вероники» (М., 1997). Вопрос о соотношении национального и европейского в его творчестве сложный. Тем не менее, творчество, особенно раннее, и его чувашские стихи нельзя понять в отрыве от его корней.

Первоосновой его поэзии является чувашский язык как некая первичная категория («Чёлхе уявён кёрекинче» («На празднике языка», 1989)). Народ начинается для него с его малой родины. Он же является его учителем («Сынлăх хакёнчен кулма...» («Смеяться над человечностью...», 1980)). Даже мысль о близком человеке рождает у поэта ассоциацию с «шуршаньем листьев по-чувашски» («Эсё – пур...» («Ты – есть...»)). В сознании (подсознании) поэта живет и гимн пахаря, наших предков «Алран кайми аки-сухи» («В руках кормилица-соха»). С годами в творчестве поэта всё более явным становится интеллектуализм (более всего – в русскоязычных стихах), что подвергается немалой критике [1; 2, с. 134; 11, с. 87]. Критики считают, что его формальные эксперименты затмевают содержание, а в поэзии должны быть гармония, равенство сторон. Возможность противоположных оценок исходит, по всей видимости, из того, что поэт творил на грани. Равноценное творение на двух языках также может оцениваться как пограничная ситуация. Айги не переставал писать на родном языке в течение всей своей жизни. Последнее стихотворение «Чун сас паратчĕ ялан савăра!...» («Голос души – это тоже стих!...», 2005), посвященное сестре Еве Лисиной, написано на родном языке.

Признанным мастером сонета является Н. Теветкель. Немало венков сонетов создал Г. Орлов. К форме сонета обращались также М. Сениэль, Н. Кушманов, Г. Чаржов. И в поэзии в целом, и в прозе В. Эндип пытается понять, что такое красота. В развитие жанра поэмы немалый вклад внёс Н. Ижендей. Широкий общественный резонанс получила его поэма «Ўралман ача сасси» («Голос нерожденного ребенка», 1993). Она является ярким доказательством общественной значимости литературы, того, что «словом можно спасти».

В поэзии доктора философских наук Николая Исмукова равно сочетаются дух классической философии и многовековой культурный опыт народа. Особой выразительности он достиг в форме четверостишия. Четверостишие как жанр (в основном – рубаи) в 1990-е гг. в целом приобретает немалую популярность. К нему обращаются П. Львов, В. Эндип, Н. Кушманов, Ф. Муратов, М. Сениэль, Ю. Семенгер, А. Ыхра, М. Карягина, Н. Теветкель и др. Любовь к жанру рубаи, краткому жанру, в данный период возникла не случайно. Помимо внешних причин (в большей степени – влияние переводов), есть причины внутренние: *тенденция к краткости* на всех уровнях, о которой речь пойдет ниже, и национальные традиции. В фольклоре чувашей до сегодняшнего времени сохранилась форма *çавра юрă*, по объёму не превышающая 1-2 строфы, «в которых концентрированно излагается одна мысль, часто глубоко обобщающего характера». Она родственна с рубаи [7, с. 17]. В перестроечную и постперестроечную эпоху наблюдается возрождение интереса ко всему национальному, в том числе и фольклору. Эта форма станет отправной точкой в создании книги Г. Айги «Поклон пению. Сто вариаций на темы народных песен Поволжья» (М.: ОГИ, 2001).

Георгий Федоров предпочитает классические формы: сонет, октаву, рондо (книга «Рондо», 2000). У Федорова очень обостренное восприятие времени. В его творчестве вступают в диалог разные эпохи, разные культуры, разные виды искусства. Современность и собственное бытие Федоров воспринимает как нахождение на грани [12, с. 49]. Поэтому не удивляют переходы на язык прозы в лирических циклах «Эпиграф» (1993), «Хёсмет» («Служение», 1995) и т.д. Эта особенность объяснима поисками новых форм выражения литературно-художественного сознания автора, так как литературовед Г. Федоров как никто другой знает каноны жанров литературных произведений.

К концу 1990-х гг. в чувашской поэзии вновь возрастает интерес к литературе народов Средней Азии. В частности, в середине 1980-х гг. начинают налаживаться чувашско-турецкие связи. Большой вклад в дело расширения пространства чувашской литературы и культуры за рубежом, пропаганды творчества иноязычных авторов в Чувашии внёс Г. Айги. Примеры восточной поэзии, в особенности рубаи и другие краткие жанры, отчасти и подспудно влияли на объём текстов. Также общеизвестно, что в переходные, критические периоды востребованы краткие жанры. Общая же тенденция, характерная для всей поэзии периода, – *движение к краткости*. В целом в современной поэзии образ стал более кратким, но емким, насыщенным. Сравним романы в стихах «Аптраман тавраш» («Род Аптрамана», 1941-1954) П. Хузангая и «Атнер» (1973-1987) Ю. Айдаша. Формально становится короче и поэма, т.е. объём уменьшается, но уплотняется содержание.

В этот период продолжают развиваться традиции *песенной* поэзии, заложенные в предыдущие периоды, а также появляются новые. Чувашскому национальному мироощущению очень близки поэтическое слово, песня. В фольклоре песни вплоть до современности занимают одно из центральных мест. «Сам чувашский народ – поэт. Среди чувашей нет человека не-поэта, не-певца», – пишет всемирно известный этнопедагог Г. Волков [4, с. 3]. Активными авторами являются В. Давыдов-Анатри, Г. Ефимов, Ю. Семенгер, Ю. Вирьял, А. Кибеч, Ю. Плотников, Р. Сарби, В. Рыбкин, Н. Сильби и др.

«Объекты» песен Василия Давыдова-Анатри традиционны: Родина малая и большая, родители, чувство любви. Тексты его песен просты, нередко наивны. В способности простыми словами передать сложные чувства кроется одна из причин их близости массовому слушателю, их продолжительного существования в народной среде и на сцене. Другим объяснением может быть тематика текстов поэта, её близость национальной песенной сюжетике [8, с. 174]. Эта тематика близка и Петру Ялгиру.

В поэзии Юрия Семендера образность часто выстраивается из «солнечных, тёплых» словосочетаний: «*хёвел сүти, хёвел айши, хёвел чечекё, хёвеллэ сáмах*» («солнечный свет, солнечное тепло, солнечный цветок, лучистое слово») и т.д., – и определений: «*ыра́*» («добрый»), «*сарá*» («жёлтый»). В целом, в поэзии Семендера много света, тепла, душевности, любви к жизни, оптимизма, стремления достойно побеждать трудности. Семендер «нащупал» некие жизнеутверждающие, мягкие интонации родного слова, которые могут согреть в трудную минуту. Потому его стихи и песни востребованы читателями разных поколений и социальных групп [6, с. 2].

Множество песен сложено на стихи Виталия Шемякина: «Тавах сире, атте-аннем» («Спасибо вам, родители», 1992), «Ан хурлан...» («Не печалься...», 1998) и др. Поэту принадлежит и гражданская лирика с публицистической интонацией: циклы стихов о перестройке и реформах, несостоявшейся демократии, разрушении человеческих отношений и т.д. В начале 1990-х гг. большую популярность обретают песни на стихи Анатолия Кибеча «Ёмёр сакки сарлака» («Скамья жизни широка», 1989), «Пурнаç сүлэ такáр мар» («Дорога жизни не гладкая», 1990) и др. А. Кибеч является также автором большого количества стихотворений в прозе, в большинстве которых поднимаются вопросы национальной философии и психологии.

В этот период зарождается и стремительно развивается другая линия песенной поэзии, связанная с развивающимся жанром чувашской эстрадной музыки, – популярная музыка (поп-музыка). Одним из ярких поэтов-песенников является Борис Чиндыков, который весьма успешно дебютировал в 1986 г. совместно с композитором Н. Казаковым. Песни и проекты творческого tandem Чиндыков – Казаков отражали национально-художественное мировосприятие с одной стороны и удовлетворяли давно сформировавшуюся потребность молодёжи в эстрадной музыке – с другой. В 1990 г. ими был создан вокально-инструментальный ансамбль «Сансáр» («Без тебя»). Песни на стихи Б. Чиндыкова звучали повсюду и имели бурный успех.

У истоков новой чувашской эстрадной песни стояла и Светлана Азамат, поэт и исполнитель песен. Фирмой «Мелодия» выпущена пластинка «Светлана Азамат юрлать» («Поёт Светлана Азамат», 1991). Тексты С. Азамат, положенные на музыку, отличаются соединением традиций народной песни и эстрадной культуры. Это было новшеством для данного периода. Соединение двух традиций привлекало разного слушателя: и старшее поколение, и молодежь. В песенной поэзии также проявили себя В. Пегиль, Л. Мартынова, В. Эндип, И. Ахрат, А. Чебанов, В. Тургай, Н. Изедеркина, А. Смолин, М. Сунтал, П. Сялгузь и др. В начале XXI века известным поэтом-песенником становится В. Раштав.

Определённому времени созвучен определенный ритм стиха. После развала СССР в обществе и поэтической среде преобладает меланхоличное настроение, возникает потребность осмыслить происходящее, что вызывает на сцену публицистическую и философскую поэзию. Поэтому, с одной стороны, в начале 1990-х гг. развиваются традиции и формы восточной поэзии: рубаи, отчасти – газель, танку, хокку. С другой стороны, в переходные периоды, в годы общественных потрясений, по справедливому наблюдению Н. Г. Ильиной, на передний план выходит верлибр (свободный стих) [5, с. 36]. В данный период он становится массовым явлением. Верлибр занимает важное место в творчестве Г. Айги, П. Эйзина, И. Дмитриева, М. Карягиной и др. Истоки чувашского верлибра восходят к устному народному творчеству, к текстам заговоров, молитвословий, благословлений и др.

В этот период в поэзии также выявляется целый ряд произведений, которые следует отнести к «возвращенной» литературе. Со второй половины 1980-х гг. публикуются неизвестные или малоизвестные произведения М. Юмана, А. П. Милли, В. Рзая, П. Хузангая, С. Эльгера и др. Составители томов «Революционерчи чáваш литературы» («Дореволюционная чувашская литература» (1984, 1988)) и авторы одноименной монографии (1989) А. В. Васильев, Г. Ф. Юмарт, В. Г. Родионов восстановили объективную картину истории чувашской литературы. Здесь была опубликована поэзия Н. Бичурина, братьев Я., Хв., Э. Турхановых, Г. Комиссарова (Вандера), Н. Шелепи, Т. Кириллова и мн. др.

Эстетическая картина чувашской поэзии середины 1980-х гг. – начала XXI века представляет собой весьма разноплановое и интересное явление. В ней одновременно развиваются традиции и отмечается тяготение к элитарности, что выражается в усилении интеллектуального начала, усложнении техники письма.

Список источников

1. Анкудинов К. Графоманы и шарлатаны (Письма в Тибет. Письмо десятое) // Литературная газета. 2010. 21 апреля.
2. Артемьев Ю. Ыра́ ят мён хак тáрать? // Ирэк шухáшсем. Шупашкар: Чáв. кён. изд-ви, 1991. С. 132-142.
3. Владимиров А. (Степанов В.) Тёнче никёсенче эпир чáваш чульне тýtса тáрапáр // Аван-и. 1991. № 30.
4. Волков Г. Чáваш поэзийё синчен пачах ура́хла шухáшлатгарас килет // Хыпар. 1994. Сурла, 25.
5. Ильина Н. Г. Чáваш лирики (1960-1990 сүлсем): монографи. Шупашкар: ЧПГ АИ, 2013. 140 с.
6. Кириллов К. Жажду литературы! // Молодой коммунист. 1985. 20 июня.
7. Кондратьев М. Г. Чувашская сáвра юрá и её татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с.
8. Кондратьев М. Г. Чувашская песенная афористика и национальный менталитет // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: материалы межрегиональной научно-практической конференции / сост., отв. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 168-176.
9. Сатур С. Халáх совеçён сасси // Хыпар. 1994. Ака, 24.
10. Скворцова О. В. Чувашская лирика второй половины XX века: монография. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. 141 с.
11. Смолин А. Поэзи – эсперанто мар // Ялав. 1995. № 2. С. 87-88.
12. Федоров Г. Хёсмет. Яра́м-поэма // Тáван Атáл. 1995. № 6. С. 49-52.

**LITERARY PROCESS OF THE MIDDLE OF THE 1980S – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY:
DEVELOPMENT OF THE CHUVASH POETRY**

Nikiforova Vera Vital'evna, Ph. D. in Philology
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary
vera.nikiforova@yandex.ru

The Chuvash literature of the late XX century is an insufficiently studied phenomenon. The objective of the article is to analyse the general state of the Chuvash poetry from the middle of the 1980s till the beginning of the XXI century. For the first time, the author distinguishes and characterizes three lines of national poetry: traditional lyrical, intellectual and song poetry. Special attention is paid to the creativity of bright young poets, who came to literature in the mid-1980s. The review allows the author to draw a conclusion that in this period the literary paradigm is changing: the character of the Chuvash literature in general and poetry in particular is being updated.

Key words and phrases: Chuvash literature; traditional lyrical poetry; intellectual poetry; song poetry; visual poetry; metro-rhythmics; tradition.

УДК 82-1/29

Дата поступления рукописи: 20.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-11-1.10>

Статья посвящена анализу сочетания традиций восточной и чувашской словесности в современной чувашской литературе. Предметом исследования стала поэма «Сынсем» («Люди») В. Кервеня. Установлено, что в произведении сюжетная основа связана с изображением жизни героя Каяно, введение публицистического и философского начала позволяет передать размышления о судьбе малочисленных народов. Художественный замысел раскрывается через использование сюжетов преданий и легенд, описание обрядов, особенностей мировоззрения. Нами выявлено, что через рассказ о судьбе восточного народа автор передает проблемы чувашской действительности.

Ключевые слова и фразы: синтез; публицистичность; повествование; образ медведя; лиро-эпика; В. Кервень; традиция; современная чувашская литература.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
Артемьев Юрий Михайлович, д. филол. н., профессор
Данилов Андрей Анатольевич, д.и.н., доцент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
mixtar2@yandex.ru; yumartemyev@yandex.ru; danilov.andrey@mail.ru

СИНТЕЗ ВОСТОЧНОГО И ЧУВАШСКОГО В ПОЭМЕ В. КЕРВЕНЯ «ЛЮДИ»

Традиции восточной словесности проникают в чувашскую литературу через перевод и реминисценцию. Чувашские поэты в разные исторические периоды с разной интенсивностью обращаются к мотивам и жанровым традициям восточной классики. «Для них это способ выражения интереса к историческому прошлому народа, нахождение идентичного своей культуре, мировоззрению. Обращение к восточной духовной культуре, имеющей многотысячную историю, открывает для них новые стороны в поэтическом мире и значительно расширяет возможности художественного творчества. Поэты 70-90-х гг. XX в. Г. Айги, Г. Юмарт, В. Эктел, М. Сениэл, П. Эйзин, П. Яккусен, А. Аттил, В. Энтип и другие воспроизводят традиции японской, китайской, арабо-персидской литератур» [7, с. 12].

Интерес к традициям восточной литературы проявляется и в воспроизведении восточного сюжета, изображении природы и быта восточной страны в художественном произведении. Как утверждает марийский исследователь К. Васин, «традиции одной литературы распространяются в другой благодаря освоению художественного опыта других литератур представителями данной литературы, описанию писателями одной национальности жизни другой нации...» [Цит. по: 1, с. 87]. Восточные страны изображаются чувашскими авторами в повестях, рассказах, литературных сказках, путевых очерках и поэмах. Как правило, такие произведения появляются после посещения восточной страны, важных исторических событий в этом регионе, осознания идентичных черт в мировоззрении двух народов. Свидетельством тому служит творчество чувашского автора В. Кервеня. Он «проявил себя в чувашской поэзии 80-х гг. как поэт-лирик. Также известен как поэт-песенник и переводчик. Активно поднимает проблемы долга перед Родиной, любви и дружбы» [6, с. 365]. Восточная тематика характерна для его переводческой деятельности и произведений, изображающих восточные страны. Поэт излагает сюжет японской сказки «Исумбосси» на чувашском языке. В произведении о мальчике с пальчик рассказывается о чудесном рождении необычного героя, его богатырских поступках. В поэме «Сынсем» («Люди») поэт через рассказ о вымирании племени айну, проживающем на территории Японии, поднимает проблему судьбы малочисленных народов всего мира, в том числе и чувашей.